

УДК: 778.5с/р(09)¹⁹³⁵
DOI: 10.24412/2618-9313-2023-425-17-29

«В 23-м году первого века всемирной коммуны...» Сценарий С. Болотина «Голубая звезда»

СПУТНИЦКАЯ Н. Ю.

Для цитирования

Спутницкая Н. Ю. «В 23-м году первого века всемирной коммуны...» Сценарий С. Болотина «Голубая звезда» // Телекинет. 2023. № 4(25). С. 17-29

Сведения об авторе

Нина Юрьевна Спутницкая, кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник НИЦКиЭИ, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК), Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1989-4182>

ninadormouse@gmail.com

Аффилиация

Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, ВГИК, 129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3.

Заявление об отсутствии конфликта интересов

Автор(ы) не сообщил(и) о потенциальном или явном конфликте интересов.

Благодарности

Автор благодарит директора Аналитического департамента Госфильмофонда России Анастасию Вознесенскую за неоценимую помощь в подготовке публикации.

Аннотация

Анализ сценария Самуила Болотина «Голубая звезда», написанного в 1935 г. для постановки Александром Птушко фантастического фильма, сосредоточен на ключевых образах, которые определили изобразительную сторону замысла и были характерны для кинематографа Птушко. Автор обращается к теме влияния специального эффекта на образность фильма 1930-х гг., исследует природу мифологем и визуальных кодов. В статье анализируются особенности сюжета о колонизации Венеры, построения конфликта человека и животного мира как представителей пограничных миров и ключевые мотивы и образы фильма о посещении Венеры, задуманного и частично осуществленного Птушко во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова

кино о космосе, спецэффекты, Венера, приключенческий фильм, Александр Птушко

Статья поступила в редакцию 01.11.2023.

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial-NoDerivatives 4.0 International License.

“In the 23rd Year of the First Century of the World Commune...” Samuil Bolotin’s Script *The Blue Star*

SPUTNITSKAYA, N. Y.

For Citation

Sputnitskaya, N. Y. “In the 23rd Year of the First Century of the World Commune...” Samuil Bolotin’s Script *The Blue Star*. *Telekinet*, 2023, no. 4(25), p. 17-29

About the Contributors

Nina Sputnitskaya, Candidate of Science, Associate Professor, Senior researcher of the Film Education and Film Arts Research Centre, Gerasimov University of Cinematography (VGIK), Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-1989-4182>

ninadormouse@gmail.com

Affiliation

Gerasimov University of Cinematography (VGIK), 3, Wilhelm Peak str., Russia, Moscow, 129226.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

Acknowledgements

The author thanks Anastasia Voznesenskaya, Director of the Analytical Department of the Gosfilmofond of Russia, for her invaluable assistance in preparing the paper.

Abstract

The analysis of the script *The Blue Star* by Samuil Bolotin, written for Aleksandr Ptushko's experimental film, focuses on the key images that determined the visual side of the plot and were characteristic of Ptushko's films. The author addresses the theme of the influence of special effects on the imagery of the film of the 1930s and explores the nature of mythologemes and visual codes. The article analyzes the features of the plot about the colonization of Venus, the construction of the conflict between man and the animal world as representatives of the border-line worlds and the key motives and images of the film about a visit to Venus which was conceived and partially implemented by Ptushko in the second half of the 1930s.

Keywords

space films, special effects, Venus, adventure film, Aleksandr Ptushko

The Article was submitted to *The Telekinet* in 1st November 2023.

Вниманию читателя предлагается сценарий «Голубая звезда». В нем рельефно выступают ключевые мифологемы эпохи и зафиксированы элементы киноязыка важные для развития и жанра научной фантастики, и фильмов приключенческого жанра, эффективно работают устойчивые изобразительные и драматургические приемы, определяющие тип повествования о путешествии в космос, которое сохранит актуальность на десятилетия (почти идентично приключение в фильме П. Клушанцева «Планета бурь»). Вероятно, источником вдохновения для Болотина служил роман В. Владко «Аргонавты Вселенной» — первая в советской литературе космическая экспедиция на Венеру¹, который был опубликован в 1935 г. на украинском языке. Болотин позаимствовал исходную ситуацию, описание Венеры, эпизод проводов покорителей космических пространств у дворца Советов, но предложил неожиданный состав экипажа и развил лирическую компоненту, предложил острый конфликт старого и нового.

Постановление по сценарию, завизированное директором «Мосфильма» Б. Бабицким в октябре 1935 г., содержит в целом положительную оценку. Автору рекомендовано провести «значительную доработку» внести изменения в образ Герта, ибо поведение и поступки персонажа «не соответствуют историческому этапу».

Нарекания вызвали мотив фантастического здоровья людей, «историческая обстановка сценария», поскольку «складывается впечатление о существующем уже законченном коммунистическом обществе с направленностью всех устремлений». Автору рекомендовано значительно сократить эпизоды подготовки к полету, датировать действие сценария не 23-м годом Мировой коммуны, а 23-м годом всемирной революции; подчеркнуть «недавность классовых столкновений», изъять восторженные реплики героев. Излишними сочли на студии такие мотивы, как мелкое преступление антагониста (похищение чужого изобретения), затронутая расовая теория и подчеркнутая ассимиляция народов в будущем. Кроме того, атрибутика и атмосфера будущего должны были быть понятными зрителю, лишеными какой-либо загадочности.

Болотину предложено представить доработанную версию сценария в ноябре 1935 г. [ГФФ].

18 марта 1937 г. в газете «Кино» [Кино] была опубликована информация о том, что А. Птушко снимает первый эпизод фильма о полете на Венеру. ГУК предложил режиссеру снять наиболее технически сложные сцены с комбинированными методами съемки (объемной мультипликацией, дорисовкой). В зависимости от результатов пробных съемок предполагалось окончательно решить вопрос о постановке фильма. Отдельные эпизоды были сняты, но сценарий был снова отправлен на доработку. В соавторстве с А. Толстым С. Болотин почти полностью переписывает его. Появляется «Утренняя звезда» [Sputnitskaia]. Сверка двух работ позволяет выделить приоритетные для советского фэнтези и научной фантастики элементы и их эволюцию.

Фильмы и сценарные портфели «Мосфильма» 1930-х гг. свидетельствуют об активной разработке в анимации сюжетов об освоении целинных земель, Крайнего Севера и подводного мира. Появлялись новые персонажи, исторические реалии нашли свое преломление: мотив противоборства старых и новых политических сил, колонизация и установление новых классовых порядков. Так, в основе сценария Болотина «На дне» лежало противостояние «великанов» — осьминога, акулы и водолаза. Человек устанавливал новый миропорядок, уничтожая несогласных с официальным дискурсом обитателей морских глубин [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Ед. хр. 184. Л. 21].

Работы Объединения объемных фильмов на «Мосфильме», где была заявлена «Голубая звезда» вписывались в стандарты. В них легко обнаружить приметы скрытой пародии на жанры «советского мейнстрима»: колхозный мюзикл, фильмы о «вредителях», дидактические мелодрамы и комедии. Но технологически сложной, экспериментальной кукольной анимации не суждено было стать мобильным оружием, а ее энтузиастам не хватило времени в полной мере разработать теоретическую базу [Кобленкова; Птушко, Ренков]. Для того чтобы пластический рисунок персонажа был достоверным, в творческом коллективе возникла практика предварительно снимать на пленку актеров, чтобы куклы повторяли те же движения. Так от экспериментов в объемной анимации глава Объединения Александр Птушко приходил к идее виртуального движения. Эстетика анимации лежит в основе трюковых сцен «Голубой звезды»: в ряде эпизодов о покорении животного

¹ Полет проходил на астроплане в 1955 г.

и природного мира узнаются эксцентрические приемы диснеевской анимации 1920–30-х гг. [Barrier]. Кроме того, авторами использованы комические коды максеннетовской традиции. Достоверность и фантастика, реализм и эксцентрика вступали во взаимодействие, а сам замысел отвечает потребности молодого советского кино в зрелищным фильмах СССР в жанре утопии и боевика [Казюциц; Wurm].

Предметный мир в фильмах «Аэлита» (1924) Я. Протазанова, «Космическом рейсе» (1935) В. Журавлева, сценариях «Голубая звезда» и «Утренняя звезда» террацентричен, т. е. привязан к реалиям земного пространства. Для «проекта колонизации» Птушко выбрал вариант доисторического мира¹. Тема колонизации космоса, заявленная в «Космическом рейсе» претерпевает в замыслах Птушко эволюцию: в 1935 г. («Голубая звезда») на Венеру летят не только для зачатия детей, но и за ископаемыми, а в 1939 г. («Утренняя звезда») СССР отправляет корабль «наперегонки» с Германией, ибо от этого зависит победа в надвигающейся войне.

«Путешествие на Марс в трамвае» — так назывался фельетон об «Аэлите» Протазанова, опубликованный в газете Пролеткино [На Луну с пересадкой]. Авангардные декорации В. Симова² в стиле конструктивизма — знак времени. Умирающая цивилизация далекой планеты Марс (мир буржуазный) уже в 1920-х гг. была противопоставлена нарождающейся цивилизации планеты Земля (Страна Советов). 20 ноября 1935 г. на экраны страны вышла картина «Ленфильма» «На Луну с пересадкой» Н. Лебедева по сценарию А. Пантелеева, провозгласившая пионера представителем поколения, которому предстоит освоить космос. Но имели место и кинопроекты создания особого человека — потомка советских коммунистов.

Время действия «Голубой звезды» — семьдесят лет после победы Мировой революции. Сценарий увлекает с первых строк, читается с интересом, в нем достаточно подробно и зримо дан интерьер, немногочисленными, но яркими деталями описан ландшафт и природа планеты, создается атмосфера романтическая и жуткая одновременно. Путешествие на Венеру превращается в головокружительную авантюру с разоблачениями, побегам, рискованными экспериментами молодых героев. Этот мир утопичен, в нем живут прекрасные люди, отсутствует расовая («большинство лиц уже трудно отнести какой-то определенной расе») и гендерная дискриминация. Один из центральных персонажей настойчиво подчеркивает, что одинаково сильно и бескорыстно любит и мужчину, и девушку. Обычным делом являются подключения ученых по видеорадио сети для участия в обсуждениях полета. Школа-коммуна для детей, электроплуг — приметы будущего, идеального мира победившего коммунизма. Техническое оснащение кабинетов, детские сады будущего, лаконичная, но удивительная атрибутика повседневной жизни, образ Лирии, легко сидящей на геликоптер, или Кратова, врача-биодинамиста, своеобразной вариации сказочного богатыря, — все это сегодня, несомненно, доставит читателю удовольствие.

Вместе с тем, «Голубая звезда» не позволит погрузиться в мир наивных ожиданий, в нем от эпизода к эпизоду возникает ощущение неминуемой катастрофы, опасность мировой войны, неизменно сопровождает героев утопического будущего. В кульминации сценария, параллельно разоблачению вредителя (ученый метеоролог), капитан космического корабля сражается со стегозавром — шестидесяти метровым королем ящеров.

В редакции сценария, получившей название «Утренняя звезда» (1939) место действия становится конкретным, лирическую линию вытесняет социальный и политический конфликты, а на Венеру летят за добычей радиоактивного элемента экацезия, способного расщеплять в считанные секунды металл. Не поднятая целина в версии Птушко — мир доисторический, экзотическая земля — девственная земля, на которой можно строить новый, социально справедливый мир. Именно таким видит режиссер мир Венеры. Чужая планета неприветлива, не успев приземлиться на ней, герои «Голубой звезды» встречаются с гигантскими морскими чудовищами: плезиозавры и огромный осьминог кидаются к дерзким пришельцам. Символическую нагрузку несет голубой цвет и его оттенки — голубая гора, хранящая заветную урановую руду, фосфорные дорожки, освещающие путь в ночи.

Отдельно следует сказать о специфике образа женщины-астронавта. Первая женщина-стратонавт Ж. Пикар (США) летала в космос в 1934 г. На Луне первая киноженщина оказалась еще в 1929 г. Фильм «Женщина на Луне» Ф. Ланга стал одним из источников вдохновения для создателей «Космического рейса», о чем свидетельствует схожесть и сюжетной модели, и отдельных мизансцен. Стереотипные поведенческие и специфические гендерные модели отрабатываются и в «Голубой звезде». Молодой биолог Лирия — внучка ученого метеоролога Альфреда Герта, в результате ряда опытов обнаруживает, что на Венере есть хлорофилл, а значит — жизнь, и оказывается в команде четырех энтузиастов, отправляющихся на неизведанную планету. При этом движущей силой сюжета становится не только путешествие для изучения климата и животного и растительного мира иной планеты (функция Гертов), но и добыча руды.

Поскольку основная задача кинематографических полетов — создать новую генерацию людей на иных планетах, то отбор космонавтов осуществляется по внешним признакам. В выборе чернокожего члена экипажа кинематографисты СССР опередили американцев. (Вспомним, что этот персонажный прием использован и в анимационном ремейке «Космического рейса» — «Полет на Луну» (1953) сестер Брумберг по сценарию Н. Эрдмана, снятый в позднесталинскую эпоху.) Другим обязательным условием полета является присутствие на борту летательного аппарата *великана* (такое наименование используется в сценариях) и в «Голубой звезде», и в «Утренней звезде». Имеет смысл вспомнить и о попытке формирования в 1930-х гг. канона изображения летчика, как особого антропологического типа. Герой «Аэрограда» Довженко наделен приметами *избранного*: он в небе, но укоренен на земле: земная женщина имеет от него детей. Мотив этот отсылает к Книге Бытия, где говорится, что ангелы стали входить к дочерям человеческим и от них пошло племя великанов³.

Ряд диверсионных попыток противника новой генерации коммунистов Герта помешать освоению новой планеты кончаются крахом, и в результате последнего покушения на Марамии враг погибает сам. Немка Лирия — внучка Герта и чернокожий Марамии — главное условие идеологической мотивировки жанра, который пробуют утвердить на экране Птушко и Болотин. «У нас дружба сильнее любви и сильнее смерти», — восклицает Кратов в финале «Голубой звезды». При этом в жилах Марамии уже течет и арийская кровь, так как после неудачного покушения, капитану корабля биодинамист переливает кровь

¹ Судя по материалам архива Птушко и его книг, режиссер тщательно изучал опыт американских кинематографистов, поэтому одним из эстетических ориентиров в работе над научно-фантастическим фильмом для него можно считать работы постановщика кинотрюков в фильмах «Затерянный мир» (1925) и «Кинг-Конг» (1933) У. О'Брайена.

² Художник-постановщик МХТ, реформатор советского театрально-декорационного искусства.

³ Быт. 6:4. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

антагониста.

Но если членов космической экспедиции в «Космическом рейсе» и «Голубой звезде» связывали личные взаимоотношения (например, Кратов на комиссии провозглашал «Я люблю Лирию и Марамии»), то членов экипажа в «Утренней звезде» выберут по национальному признаку, внешним характеристикам и профессиональным критериям со всех уголков СССР. Место Лирии Герт в «Утренней звезде» займет Люба Рылеева — парашютистка из Владивостока, романтика и врача широкого профиля Алексея Кратова заменил геолог Владимир Мельников. Болотин и Толстой старались избежать однозначных противопоставлений: немец Шульц сочувствует изобретателю еврею Штейну и советской экспедиции, а в кульминации «Утренней звезды» разыгрывается потасовка между ним и фашистом Генке.

Авторы «Голубой звезды» настойчиво подчеркивают величие, физическое превосходство безответно влюбленного в Лирию Кратова — кинематографического аналога Дяди Степы¹. Фольклорный в своей основе, он вобрал черты персонажа бытовой сказки солдата, умеющего варить «кашу из топора».

Образ позже найдет развитие в третьей редакции сценария о Венере Болотина и Птушко [РГАЛИ. Ф. 2553]. А режиссер к этому времени получит колоссальный опыт работы с техникой в игровом кино [Птушко, Ренков; Чижевская]. Публикуемый сценарий позволяет составить впечатление о том, каким мог быть первый советский фантастический фильм о полете на Венеру.

Источники

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Ед. хр. 260.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Ед. хр. 184.

РГАЛИ. Ф. 2553. Оп. 3. Ед. хр. 1507.

ГФФ. Секция 4. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 756.

Литература

Казючиц — *Казючиц, М. Ф.* Американское документальное кино и анимация как средства решения пропагандистских задач в период II Мировой войны // *Международный журнал исследований культуры*. 2020. № 4 (41). С. 52–68.

Птушко, Ренков — *Птушко А., Ренков Н.* Комбинированные и трюковые киносьемки. М.: Госкиноиздат, 1941. 262 с.

Кино — *Кино*. 1937. № 19 (22 апреля).

На Луну с пересадкой — *На Луну с пересадкой* // *Пролеткино*. 1924. № 4–5.

Чижевская — *Чижевская О. А.* Несостоявшийся фильм А. Птушко «Разгром вражеской эскадры» — его место и роль в творческой биографии режиссера // *Телекинет*. 2022. N 3(20). С. 15–26.

Bellin — *Bellin J. D.* Framing Monsters: Fantasy Film and Social Alienation. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2005. 256 p.

Barrier — *Barrier, M.* Hollywood Cartoons: American Animation in Its Golden Age. Oxford: Oxford University Press, 2003, 372 p.

Sputnitskaia — *Sputnitskaia N.* The politics of outer space colonizers and missionaries in Russian fantasy film of the 1930s // *Studies in Russian and Soviet cinema*. 2017. Vol. 11. № 2. P. 134–145.

Wurm — *Wurm B.* Cosmic Voyage // *Senses of Cinema*. 2007. May. № 43. URL: <http://sensesofcinema.com/2007/cteq/cosmic-voyage/>

Sources

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI). Fond 631, opis 3, edinitsa hraneniya 260.

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI). Fond 2553, opis 3, edinitsa hraneniya 1507.

Nauchnyj arhiv “Gosfil’ mofonda” [The scientific archive of the Gosfilmofond]. Sektsiya 4, fond 1, opis 1, edinitsa hraneniya 756.

References

Kazyuchits, M. Amerikanskoe dokumental’noe kino i animaciya kak sredstva resheniya propagandistskih zadach v period II Mirovoj vojny [American Documentaries and Animated Cartoon as Tools for Propaganda in the Period of the II World War]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul’tury*, 2020, no. 4 (41), p. 52–68.

Ptushko, A., Renkov, N. *Kombinirovannye i tryukovye kinos’emki* [Combined and stunt filming]. Moscow, Goskinoizdat, 1941, 262 p. *Kino*, 1937, no. 19 (22 aprelya).

Na Lunu s peresadkoj [To the moon with a transfer]. *Proletkino*, 1924, no. 4–5.

Chizhevskaya, O. A. Nesostoyavshijsya fil’m A. Ptushko “Razgrom vrazheskoj eskadry” — ego mesto i rol’ v tvorcheskoj biografii rezhissera [The failed film by A. Ptushko “The defeat of the enemy squadron” — its place and role in the creative biography of the director]. *Telekinet*, 2022, no. 3(20), p. 15–26.

Barrier, M. *Hollywood Cartoons: American Animation in Its Golden Age*. Oxford University Press, 2003, 372 p.

Bellin, J. D. *Framing Monsters: Fantasy Film and Social Alienation*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 2005, 256 p.

Sputnitskaia, N. The politics of outer space colonizers and missionaries in Russian fantasy film of the 1930s. *Studies in Russian and Soviet cinema*, 2017, vol. 11, no. 2, p. 134–145.

Wurm B. Cosmic Voyage. *Senses of Cinema*, 2007, May, no. 43. URL: <http://sensesofcinema.com/2007/cteq/cosmic-voyage/>

¹ Повесть М. Михалкова впервые опубликована в журнале «Пионер» (1935, № 7). Отдельной книгой выпущена впервые «Детиздатом» в 1936 г.

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Литературный сценарий

Аннотация

«Голубая звезда» — это рассказ о будущем, о коммунистическом обществе, о новых людях, о фантастической технике преображенной. Наряду с тем в «Голубой звезде» показано далекое прошлое нашей планеты, восстанавливаемое археологами и палеонтологами, развернута картина третичной эры с ее чудовищными растительными и животными формами.

Вкратце сюжет «Голубой звезды» заключается в следующем: в 23-м году мировой революции четверо путешественников отправляются на планету Венеру на поиски урановой руды.

Перелет совершается на атомостате — межпланетном корабле, движимом энергией атомного распада. На Венере путешественники сталкиваются с гигантскими «допотопными» ящерами, так как Венера, будучи более «молодой» планетой, переживает младенческий период, давно пройденный Землей. Высокая техника и превосходные качества основного коллектива экспедиции позволяют людям преодолеть трудные условия жизни — климат тропических болот и выйти победителями в борьбе с чудовищными игуанономами, динозаврами, птеродактилями и прочими представителями третичной фауны.

Но основная, полная драматизма, борьба возникает внутри самой экспедиции. Среди путешественников оказывается один из оставшихся еще в живых врагов мирового коммунизма. Случай, помог ему пережить последнюю войну и мировую революцию, скрывшись под маской чудаковатого ученого и, наконец, включиться в экспедицию. Он хочет, чтобы на Венере началась сызнова предыстория человечества, основанная на насилии, эксплуатации и борьбе каждого с каждым. Ряд его диверсионных попыток кончаются крахом, благодаря смелости, дисциплинированности и самоотверженности трех настоящих людей будущего — людей коммунистического общества. В результате последнего покушения враг погибает сам.

Экспедиция выполняет все свои задания и возвращается на Землю.

ЧАСТЬ I. НА ВЕРШИНАХ

Крутая гряда утесов, освещенная восходящим солнцем. Покрытые снегом и вершины. Фантастические силуэты скал, изломы, зубцы. *Утес в форме лошадиной головы.*

Исполинские складки, расщелины.

Медленно опускающаяся полоса тени.

Глубоко внизу клубится туманы облаков.

НДП¹

В 23-м году первого века всемирной коммуны в Гималаях стояло жаркое лето.

Вдоль края утесов проложена широкая, матово-сверкающая «страда» — абсолютно гладкое шоссе, залитое вулканитом. Страда раздваивается, разветвления обтекают утес, на нем два указателя (в виде маленьких самолетов) с надписями:

ПЕРВАЯ: «Дорога на Гималайскую станцию Управления Погодой Альфреда Герта».

ВТОРАЯ: «Дорога на обсерваторию Лирии Герт».

Над суровыми снежными вершинами, на безоблачном небе горит в лучах солнца утренняя звезда.

Прислонившись спиной к утесу, обнимая левой рукой колена, сидит на камне девушка. Ее лицо закинута в небо, правая рука беспомощно брошена на лоб. Глаза бесцельно блуждают, нижняя губа закушена. Странное молчаливое напряжение сковывает ее. Неожиданно в глазах ее вспыхивает радость. С улыбкой она наклоняется над большой гибкой пластинкой, лежащей на ее коленях. Металлической палочкой набрасывает она на пластинке длинные столбики формул. Внезапно движения палочки замедляются. Девушка с гневом смотрит на полученный результат. Быстро скользят две маленькие скобы вдоль краев пластинки, и все написанное исчезает.

Девушка меняет позу. С вызовом глядит она на серебристо-голубую звезду, меркнувшую в лучах солнца.

— Ничего, — говорит она, — все равно я тебя разгадаю.

Медленно скользят над скалами сгущающиеся тучи. Девушка работает. Она пишет то левой, то правой рукой. Отдаленное, еле слышное ворчание грома. Она не слышит грома, не видит далеких молний. Вдруг она вскакивает. На лице ее страшное волнение, почти испуг.

— Погоди, — бормочет она, — а вдруг это — хлорофил?

Боясь поверить, она все же не в силах удержать восторга. Она кружится по каменистой площадке, светлые волосы разлетаются вокруг лица. Внезапный порыв ветра заставляет ее зажмуриться. Все еще улыбаясь, она оглядывается вокруг. Со всех сторон надвигается черная завеса туч.

Девушка вскидывает левую руку, у локтя старинный шрам в виде ямки. Там, где мы привыкли видеть циферблат ручных часов, у нее прикреплен крошечный матовый экран телевизора с микрофоном. Нажимая кнопку, Лирия кричит:

— Дедушка Герт! Зачем эти тучи?

На экране появляется лицо с седыми волосами и густыми бровями. В микрофон слышен его резкий, слегка крикливый голос:

— Тучи из Бенгалии. Нужно вылить из них воду. Сейчас, Лирия, я покажу тебе хорошую грозу.

— Дедушка, дедушка! Задержи грозу, — кричит Лирия, — мне на один часок нужно поглядеть на Венеру. Кажется, я сделала замечательное открытие.

Герт хмурится:

— Все у вас замечательное. Могу дать полчаса.

1 «Надпись для показа», характерный рудимент немое кино в звуковом кинематографе 1930-х гг. Интертитр (надпись) являлся ключевым элементом нарратива немое кино, с приходом звука он сохранялся некоторое, довольно продолжительное время в кинопроизводстве, выступая в качестве эквивалента закадрового комментатора.

Лирия подбегает к своему горному автомобилю. Вместо колес у него четыре гибких суставчатых ноги с острыми шипами копыт и мощными тарелками вакуумных присосов.

НДП

Квадрупед — машина альпинистов

Лирия сворачивает с шоссе и пускает квадрупед наперерез через утесы, направляясь к далекому куполу обсерватории с трубами телескопов. На ходу машина то бежит рысью, то делает длинные мелкие прыжки, то свободно карабкается как муха по отвесным склонам. В своей кабине, плотно притянутая к сиденью, Лирия бесстрашно управляет рычагами, смеясь, когда из-под копыт квадрупеда осыпаются камешки.

Обсерватория. Квадрупед останавливается у входа.

Лирия со своей вычислительной пластинкой под мышкой бежит по коридору и вскакивает на крутой эскалатор, поднимающий ее к телескопу.

Здесь ее поведение резко меняется. Сдерживая охватившее ее возбуждение, она медленно принакает глазом к окуляру, тщательно ищет фокус, только улыбка дрожит в углах ее губ.

Затем она тихонько спускается с лесенки телескопа. Уронив руки, улыбаясь и закрыв глаза, она медленно идет прямо на зрителя.

— Жизнь! — говорит она. — На Венере жизнь! Как это чудесно.

— Жизнь! — повторяет Лирия, обнимая маленький телескоп-искатель.

— Жизнь! — кричит она, высунувшись из окошка прямо навстречу ветру. — Теперь пускай гроза, гром, ураган — на Венере жизнь!

Черная полоса туч закрыла половину неба, и перед самым облачным фронтом в небе летит темное...

Лирия глядит на тучи, внезапно сдвигает брови, вглядывается из-под руки. Затем кидается к маленькому телескоп-искателю. В круглом каше сначала неясно, а затем отчетливо видно крылатую фигуру человека. Он летит перед грозовыми тучами. Ветер треплет его, человек иногда перекувыркивается и начинает падать, но затем вновь выравнивается, взмывая на мощных ветровых потоках. И снова Лирия кричит в микрофон на руке:

— Герт — останови грозу. Перед тучами летит человек.

Герт в своей высоковольтной кабине. На стене овальный экран телевизора. Лирия — в телевизоре ждет ответа, стоит около маленького телескопа.

— Поздно, Лирия, — говорит Герт. — Я не бог. Гроза уже разразилась. Могу только ускорить выпадение дождя.

Экран меркнет. Герт нажимает рубильник. Над куполом здания, на высоких штангах колоссальные медные шары, усеянные острыми шипами, наливаются светом. С шипов соскакивают колючие искры. Тучи прорезаются длинными молниями, раздается потрясающий раскат грома.

Оглушенный громовым ударом, человек-птица падает, вертась как подстреленный голубь, затем косо планируют в сторону, налетает на крутой утес в форме лошадиной головы и камнем падает вниз, скрываясь за скалами.

Под густыми, хлещущими струями через плоскую крышу обсерватории бежит Лирия. Глаза у нее расширены от страха, но губы сжаты твердо и решительно.

Добежав до небольшого ангара на крыше, она садится в бескрылый вертолет, снабженный двумя винтами и рулем. Вертолет взвивается вверх, обдаваемый потоками дождя.

С высоты видно, как по скалам и камням хлещут струи дождевой воды, они стекают в каналы пробитые во всех направлениях в горах.

Лирия направляет машину к черному утесу в виде лошадиной головы. И вот внизу — в глубоком провале между горами — она видит то, что искала: поперек помятых крыльев лицом вниз неподвижная фигура человека...

Вертолет снижается по вертикали. Лирия выскакивает на каменистую площадку.

В эту секунду человек поднимает голову и оборачивается к Лирии.

— Ты жив? — восклицает Лирия.

— Ну, конечно, жив! — человек приподнимается. Теперь видно, что он пробовал починить свой вертолет. — Я решил дожить до ста лет, мне еще жить 78 лет, — говорит он, улыбаясь.

— Я думала, ты разбился, — говорит Лирия и с облегчением смеется.

— Так и есть, — озабоченно вздыхает человек. — Крыло — вдребезги. Не знаю, смогу ли я его починить.

Человек встает и подходит к Лирии, держа в руках свернутый вертолет. Из правой руки его сочится кровь.

— Летим скорее, — торопит его Лирия. — Ты, наверное, промок до костей?

— Нет, я же спускался под зонтиком, — говорит, улыбаясь, человек и показывает на свернутый купол парашюта, уложенный на скале. Заметив поврежденную руку юноши, Лирия вынимает бинты из своей сумки, но он отнимает бинты и очень ловко накладывает себе повязку одной левой рукой.

Они идут к вертолету, и, садясь в него, юноша снимает с головы шлем и очки, чтобы протереть и лучше приладить их.

Тогда Лирия радостно вскрикивает.

— Теперь я тебя узнала! Ты — Кратов!

— Ну да, — спокойно говорит Кратов, — я хотел на крыльях перелететь Гималаи; подвернулась очень удобная туча, и вдруг грузовой удар...

Но в это время Лирия тоже снимает шлем и очки, и Кратов, остановившись на полуслове, начинает протирать мокрые от дождя глаза. Моргая и даже слегка раздвинул в губы, он в упор смотрит на Лирию.

— Кто ты? Что ты тут делаешь? — спрашивает он.

Гул вертикального винта заглушает ответ Лирии. Вертолет с двумя пассажирами легко взмывает прямо вверх.

С птичьего полета видны строения погодной станции. Вокруг ее начертано небольшое белое кольцо, по окружности выложены предупредительные знаки в виде изломанной молнии. Геликоптер спускается у границы. Кратов и Лирия ловко выскакивает из машины.

Дождь кончается, сразу опустошив тучи. Радуга. Вода стремительно несется по каменным каналам. На горном потоке бурно вертятся лопасти турбин.

По берегу идут Кратов и Лирия. Лирия оживленно рассказывает, Кратов слушает, неотрывно глядя на нее.

— Вон, ты видишь эту звездочку? — говорит Лирия.

— Вижу, — отвечает Кратов,

продолжая глядеть на Лирию.

— Ты не сюда смотришь. Вон там — гляди.

— Вижу, вижу, — говорит Кратов, на секунду отводя глаза и снова глядя на Лирию..

— Понимаешь, там, в атмосфере оказался хлорофилл. Значит, есть растительность, значит и животные. Значит, там могут жить и я.

— Значит и я! — решительно восклицает Кратов. Лирия, смеясь, отворачивается.

Они проходят мимо электро-ветряка с ажурными лопастями плавно вращающихся крыльев, идут мимо оранжерей, где под яркими лампами растут цветы, фрукты и овощи, мимо бассейна для плавания. Подходят к портикам Гималайской погодной станции профессора Герта.

— Неужели это тот самый Герт, — восклицает Кратов и даже приостанавливается. — Ведь я столько читал о нем.

В своем кабинете Герт полулежит в гибком алюминиевом кресле, читая книгу.

Большая комната имеет вид музея. Масса картин, скульптур, повсюду чудесные книги. Целая стена украшена коллекцией оружия всех времен и народов, начиная от каменного молотка палеолита и австралийского бумеранга и кончая небольшой трубкой с аккумулятором, под которой висит табличка: «Электрическое ружье проф. Герта. Принято на вооружение Рев. Армии Мира».

Герт трогает на кресле рычаг. Кресло поднимается вверх вдоль круглого вращающегося шкафа. Герт ставит книгу и берет другую. Перелистав ее, он грустно улыбается, качая головой.

Где-то близко раздаются молодые голоса и смех. Нахмурившись, Герт прячет книгу, надавливает стеной рельеф, книжный шкаф мягко исчезает в стене.

— Дедушка, — говорит Лирия, входя со своим спутником, — это Кратов — крылолетчик.

— Конечно, замечательный? — спрашивает Герт, снисходительно улыбаясь.

— Да, замечательный, — говорит Лирия, — лучший в мире!

— Ну, понятно. Других сегодня не бывает, — Герт безнадежно машет рукой и отворачивается.

— Разве это плохо? — удивляется Кратов.

— Нет, неплохо, но скучно, — вежливо отвечает Герт. — Видишь ли, когда я был молод, мы все к чему-то стремились. Ошибались, мы страдали, но у нас была цель — будущее. А вы все замечательные, изумительные, лучшие в мире... К чему вам стремиться?

Кратов глядит на него с изумлением.

— Ты шутишь, Герт... — говорит он, и в голосе его не то вопрос, не то просьба. — Ведь ты же сам боролся за наше сегодня. Ты, конечно, шутишь.

— Конечно, шучу, — холодно подтверждает Герт и снова отворачивается.

Пока они говорят, за их плечами под руками Лирии вырастают буквально из под земли круглый стол, выдвигаются из глубины стен гибкие кресла.

— Ворчи, сколько хочешь, дедушка, — говорит Лирия, улыбаясь. — Все равно Кратов — лучший в мире крылолетчик, ты — лучший в мире погодник, а я — лучшая в мире внучка! Давайте кушать.

Стол, на котором расставлены действительно замечательные кушанья. Сверкающие сочные плоды, какие-то незнакомые нам овощи, соуса, головокружительный десерт. Середина круглого стола, уставленная блюдами, вращается, куда все сидящие возьмут, что им нравится. Игрет музыка.

Обед окончен. Круглый стол целиком уходит вниз, кресла плавно разбегаются к стенам.

— Потанцуем, — говорит Лирия.

Она и Кратов подходят к высокой эстраде; по двум краям ее стоят круглые вогнутые зеркала электродов.

Поворачивается рычаг. Зеркала засветились. Молодые люди стали между зеркалами и сразу зазвучали глубокие сочные аккорды, каждое движение людей вызывает целое море звуков.

НДП

Тела танцующих, прерывая магнитные волны, вызывали звучания, и танец превратился в музыку.

Кратов и Лирия движутся в причудливом танце, создавая две контрапунктирующие мелодии. Неожиданно повернувшись, Кратов видит Герта, сосущего короткую прокуренную трубку. Музыка нарушается резким диссонансом.

— Что это? — спрашивает Кратов, — он курит?

Лирия выключает электромузыку.

— У него десятки древних привычек, — говорит она, нахмурившись, — хотя он замечательный человек.

Лирия надевает шлем. Прощаясь, она кладет руку на плечо Кратова, он отвечает ей таким же жестом. Это полубоьятие делается также просто и бездумно, как старинное рукопожатие наших дней.

— Я пойду поработать в обсерваторию, — говорит она. — А ты поговори с Гертом. Может быть, он расскажет тебе о последней войне, о мировой революции.

...Медленно подходит Кратов к блаженствующему старику. Трубка докурена. Герт дремлет с открытыми глазами. Кратов осторожно вынимает трубку из пальцев Герта.

— Ты знаешь, — бормочет он, — говорю тебе как медик: это очень вредно для здоровья.

— Может быть, — говорит Герт, но чересчур много здоровья — это тоже болезнь. Весь мир заражен излишним здоровьем. Люди забыли, что такое борьба, лишения, боль.

Кратов тихонько шевелит перевязанными пальцами, глядя во все глаза на Герта, который встает и, продолжая говорить, ходит по комнате, останавливаясь около своих любимых вещей. Вот он задел на ходу рычажок электрофона и в комнате зазвучала страстная мелодия, как бы сопровождающая слова старика.

— Мир забыл очарование борьбы, — говорит Герт, любовно поправляя клинок рапиры, висящей на стене.

— Пришло долгожданное будущее, а с ним покой, неподвижность, скука...

— Тебе скучно? — восклицает Кратов.

— Нет, не мне, — говорит Герт. — Передо мной всегда мое прошлое. А вот тебе и всем вам...

— А перед нами всегда наша будущее! — азартно кричит Кратов.

— Будущее?.. — Герт отрицательно качает головой. — Уже сегодня человек на вершине, а дальше... И он делает жест рукой сверху вниз.

— Да нет же! — Кратов даже вскакивает. — Мы взяли только первые подъемы. Наша дорога всегда — только вперед и вверх. И Кратов широко взмахивает рукой, словно взлетает на воздух.

ЧАСТЬ II. «ЧЕТВЕРТЫЙ КАНДИДАТ»

НДП

На другое утро открытие Лирии стало известно всей Земле.

В быстрой смене появляются на несколько секунд и затем исчезают различнейшие уголки Земли. Везде говорят об одном и том же. Поэтому, несмотря на мгновенные смены обстановок, разговор словно повисает воздухе, нить рассуждений не обрывается, одна реплика дополняет другую, и смысл всех разговоров остается понятным.

Под высоким стеклянным куполом среди цветов, фонтанов и статуй с легким шелестом вращаются колоссальные маховики электростанции, у распределительных досок работают двое. На стене в телевизоре улыбающаяся Лирия заканчивает сообщение:

«...Значит, на Венере может жить человек».

Один из людей:

— Ну, теперь полетим!

Кусок улицы. Окруженные густыми садами, стоят не слишком высокие 4–5 этажные белые дома с плоскими крышами в цветах, с балконами в зелени, с огромными окнами во всю стену. Быстро бегут в обе стороны мимо домов широкие ленты движущихся мостовых. На скамьях, закинув головы к небу, расположились сидячие пешеходы. Прямо на облаках — улыбающаяся Лирия. Один из пассажиров говорит другому:

— А на чем полетим-то?

Школа-коммуна. Масса ребят-малышей. Самые маленькие возятся с намагниченными кубиками и палочками, которые сами складываются в фигуры. Ребята побольше делают колоссальные прыжки на шарах-прыгунах. Около экрана, с которого улыбается Лирия, стоят двое граждан лет по 7-ми, обнявшись за плечи, в позе заговорщиков. Один из малышей говорит очень рассудительно:

— Ну, полетим на обыкновенной ракете.

Гладкое черное поле. Вдали такие же белые дома на фоне густого леса. Через поле, оставляя глубокие борозды, движется вдоль провода, как троллейбус, многолемешный электроплуг. На передке небольшой экран все с той же улыбкой Лирии.

Старик-механик говорит другому старику-рулевому:

— Я же тебе говорил: обыкновенные ракеты — Совет Мировой Коммуны — запретил.

Опять крупно глядит на зрителя улыбающаяся Лирия. Затем она качает головой и как бы заканчивает предыдущую реплику:

— Запретил, потому что ракеты не возвращались на Землю.

Аппарат отходит. Виден упрямый затылок Кратова. Он вскакивает с криком:

— Постой. У меня есть старший друг, который все, все может.

— Кто же он? Волшебник, что ли?

Кратов, не отвечая, бежит к телевизору и настраивает его. Экран вспыхивает, открывается обширная лаборатория, полная окольцованных труб, вакуумных насосов, шаров и т.п. Из глубины лаборатории идет Марами. Он очень высок. Лицо у него коричнево-смуглое, чрезвычайно выразительное, полное ума и доброты. Только слегка курчавые волосы и ослепительно-белая улыбка могут навести на мысль о его абиссинских предках.

Вот он подошел вплотную и глядит с телевизора на Кратова и Лирию.

— Здравствуй, Марами, — говорит Кратов.

— Здравствуй, Малыш. Ты еще не оторвал себе головы? Отлично. А это, кажется, Лирия? Здравствуй, астроном.

— Марами, — перебивает его Кратов, — как твой атомный двигатель?

— Готов. Летит в любую сторону.

— А кверху может?

— Может и кверху.

— А на Венеру может?

— Нет, на Венеру не может.

- Почему?
- Потому, что запретил Совет Мировой Коммуны.
- А если мы добьемся разрешения?
- Тогда попробуем.

Головокружительно прекрасный дворец. Подлинное чудо архитектуры. Многометровая фигура Ленина и Сталина. Просторный зал Совета. Вдоль стен — колонны, портики, статуи величайших людей мировой истории. Все увито зеленью и цветами. В середине зала высокая серебряная статуя фонтана. За столом в креслах члены Совета Мировой Коммуны. Их несколько десятков. Все очень *разные*, старики и молодежь. Есть и китайцы, и негры, однако, отдельные расовые отличия стали не так резки. Большинство лиц уже трудно отнести к какой-либо определенной расе.

На возвышении около стола — стоит Марами, окруженный своими приборами. За ним — молчаливая, многочисленная аудитория, переполняющая зал. В первом ряду мы видим рядом Кратова и Леру. Дальше мелькают знакомые лица всех споривших о ракете, которых мы видели и на электростанции, и в поле на электропахоте, и на движущейся мостовой. Все напряженно вглядываются в приборы на возвышении.

Марами наклоняется над своими аппаратами. На подставке покоится темный матовый шар, величиной с футбольный мяч.

НДП

Марами демонстрировал Совету Мировой Коммуны модель «атомостата», движимого силой атомного распада.

— Готово, — говорит Марами, — указывай.

За столом президиума пожилой худощавый человек с насмешливым, добродушным лицом протягивает руку в дальний угол зала.

Марами нажимает целую клавиатуру кнопок. Темный матовый шар оживает. Половина его поверхности начинают ярко светиться. Он всплывает на воздух и, словно по ниточке, скользит в указанный угол. Бурная радость аудитории, Кратов влюбленно глядит на Марами и крепко держится за ручки кресла, словно он боится, что иначе не усидит на месте. Лирия задумалась, глядя куда-то в сторону.

Следуя указаниям человека в президиуме, шар то послушно взвивается под потолок высоченного зала, то застывает над самым столом Совета, то продельвает сложнейшие эволюции, обходя все препятствия, словно живое существо. Наконец, под бурю приветствий, шар возвращается к своему изобретателю.

Марами вытирает лоб.

Лавина оваций обрушивается на него. Люди окружают его, поют какую-то очень короткую, радостную мелодию. Темную руку Марами тихонько гладит и пожимает маленькая белая рука. У локтя ее знакомый продолговатый шрам. За столом короткое совещание. Затем, коренастый человек объявляет решение:

— Экспедиция разрешается. Две задачи: первая — изучить животный мир и климат Венеры, вторая — найти урановую руду для нашей атомной энергетики. Поедут, должно быть, четверо.

— Больше не возьмешь, Марами?

— Больше не подыму.

— Ну, теперь, — кто! Конечно, Марами, как водитель, конечно, Лирия, как главный зачинщик.

— А я? — вскакивает Кратов.

— А что ты будешь делать на Венере?

— Я... во-первых, я очень здоровый человек, я выдержу, — лепечет Кратов.

В президиуме улыбаются.

— Этого мало.

— Потом, я опытный путешественник.

— Это уже лучше.

— Да, — вспоминает Кратов. В тревоге, что его не возьмут, он чуть не забыл свой главный козырь. — Ведь я биодинамист. Я могу лечить любую болезнь.

— Вот это дело.

— И потом, — Кратов доверчиво понижает голос, — я очень их люблю обоих. Ведь это тоже важно?

В президиуме расцветают улыбки. Худощавый человек серьезно кивает, делая отметки на листке. Сияющий Кратов возвращается на место.

— Теперь вопрос о четвертом кандидате, — говорит председатель. — Мы прочитали 12 тысяч заявлений, а их делается все больше, — он кивает на огромный стол, на котором в идеальном порядке разложены тысячи прямоугольных листков с дырочками, пробитыми по краям. Бесшумно работающий электрический перфоратор, механически сортирует все новые листки, располагая их по стопочкам, снабженным табличками: «инженеры», «химики», «летчики», «подростки и дети», «писатели» и т. д.

— Кого же мы пошлем? — говорит председатель и оглядывает зал. Со всех сторон на него устремлены ожидающие, надеющиеся глаза. Раздается мелодичный звон. Над столом президиума оживает экран. На нем показывается лицо Герта:

— Я прошу отправить меня, — говорит он. — Я думаю, что буду полезен при изучении климата Венеры. В атмосферных делах я все-таки немного разбираюсь.

Председатель, улыбаясь, кивает в ответ на эту старомодную скромность.

— Кроме того, не забывайте, что Лирия — моя внучка. Я хочу умереть около нее.

— Мы подумаем, Герт, — говорит коренастый и экран гаснет.

В президиуме горячий спор. Красивая седая женщина, с глубоким шрамом на лбу, говорит, сжимая кулак:

— Почему именно Герта? Какой-то одиночка, отщепенец. 20 лет тому назад засел в своей берлоге и не вылезает...

- Зато 33 года тому назад он помог им победить! — горячо возражает высокий широкоплечий человек с лицом ученого.
- Кроме того, он вообще замечательный электрик, — говорит Марами, — он поможет мне управлять кораблем.
- И потом ты забываешь о деле, — говорит председатель. На Венере климат — важнейшая проблема.
- Да что ж. Я не возражаю, — сдаётся женщина. — Давайте пошлем Герта.

НДП

Через год постройка атомостата подходила к концу.

Участок эллинга. Длинные, белые здания корпусов, обсаженные тенистыми деревьями. Между корпусами скользят грузные платформы электрокаров. На заднем плане, возвышаясь над крышами корпусов и над вершинами деревьев, виднеется темный шар атомостата вышиной с 5-ти этажный дом. Он обнесен стальным кружевом лесов, окружен подъемными кранами и лентами конвейеров. Разнологоый шум стройки, стрекот пневматических молотков, сигнальные свистки разных тонов и тембров сливаются в своеобразную музыку. На одном из автокаров, лавируя между встречными движением, едет к атомостату Марами в сопровождении пожилого худощавого человека, председательствовавшего в Совете.

По дороге Марами несколько раз окликает встречных, задавая быстрые вопросы и кивая в ответ. Распорядиться и исправлять почти не приходится.

Атомостат во весь рост. Снаружи он совершенно закончен. Поверхность его состоит из множества одиночных шестиугольных урановых пластинок... Атомостат все приближается к аппарату. Секунда темноты, и вот мы уже внутри корабля.

Снизу вверх мы быстро оббегаем взглядом внутренность корабля. Внизу — склады инструментов и машин. Части разобранного вертолета-амфибии. Длинные ящики с надписями — «Электрооружие». В момент, когда мы осматриваем склад, несколько человек вносят медные шары с шипами и укладывают их около ящиков.

Выше мы видим, как бы в поперечном разрезе, центральную рубку — сердце корабля, в котором сосредоточено управление радиацией — атомным распадом. Здесь Марами показывает председателю Совета Мировой Коммуны приборы управления. По горизонтали центральная рубка окружена электробатареями аккумуляторов. Председатель осматривает каждую деталь, влезает во все углы, обо всем расспрашивает Марами. Вот центральный аппарат управления. Он имеет форму шара с поверхностью из выпуклых шестигранных ячеек, в точности соответствующих шестигранникам самого атомостата. На каждой ячейке шара управления отдельный рубильник, включающий радиацию соответствующего шестигранника атомостата

— Аккумуляторов довольно будет? — спрашивает председатель.

— Да, конечно, — уверенно говорит Марами. — Энергия нам понадобится только четыре раза, чтобы вызывать или прекращать радиацию. Остальное время атомы будут работать сами.

Председатель быстро что-то подсчитывает на миниатюрном электрическом счетчике и удовлетворенно кивает.

— Правильно, — говорит он, — а на обратный полет?

— На любом ручье поставим турбину, зарядим аккумуляторы и обратно, — весело говорит Марами.

Они поднимаются в верхнюю часть корабля кают-компанию, просто и очень красиво убранную круглую залу, полную живых цветов с толстой колонной входной шлюзовой камеры в центре. Они открывают дверь в каюту — холодильник. В глубине ее Герт расставляет свои приборы. Ему помогает молодой белобрысый веснушчатый человек. При входе посетителей он что-то горячо объясняет Герту, сильно жестикулируя:

— Понимаешь, быстрота сумасшедшая, — говорит он.

Увидев Марами и Председателя, он смущенно умолкает и начинает устанавливать какой-то прибор. Председатель осторожно закрывает дверь.

— Пойдем дальше, — говорит он Марами. — Очевидно, здесь рождается новое изобретение.

В густых облаках пара неясно виднеются две фигуры. Молочный свет, разлитый по потолку зала, едва пробивается сквозь пар. Аппарат приближается к людям. Мы узнаем сидящую Лирию. Лицо у нее красное, распаренное. Она тяжело дышит, положив руку на сердце и отдуваясь с комическим отчаянием. Рядом с ней Кратов неумоимо скачет через веревочку. Вид у него не лучше, чем у Лирии: мокрые волосы нависли на глаза, жилы на лбу надулись. Позади него индикаторная доска. Мы видим колеблющиеся стрелки циферблатов:

«ТЕМПЕРАТУРА — 67 градусов», «ВЛАЖНОСТЬ — 0,56», «ДАВЛЕНИЕ — 1 атмосфера», «ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ТРЕНИРОВКИ — 1 час 56 минут»

Лирия тяжело переводит дух:

— Я, кажется, не выдержу, — говорит она.

— Ничего, — отвечает Кратов, продолжая прыгать через веревочку, — еще 4 минуты.

— Довольно тебе, — говорит Лирия, — ты же задыхаешься.

— Ерунда. Могу еще час, — отвечает Кратов и чуть не зацепляется веревочкой за ногу. Бросив скакалку, он садится рядом с Лирией.

— Где же Марами? — спрашивает он.

— На сборке, наверное, — говорит Лирия.

Кратов упрямо сдвигает брови:

— Если Марами не будет тренироваться, я его на Венере не выпущу из корабля. Пускай сидит в холодильнике рядом с Гертом. В этот момент за их спинами из густого облака пара вырисовываются сначала неясно две туманные фигуры, а затем проясняется улыбающееся лицо Марами и искаженное одышкой лицо Председателя — с открытым ртом и вытаращенными глазами.

— Ну, ну, — говорит Председатель, — вот это баня. И долго вы тут выдерживаете?

— Два часа, — Кратов с шиком показывает на циферблат. — Ну, Лирия, на сегодня довольно, а тебе, Марами, рекомендую раздеваться и побегать.

— Нет, Малыш, — говорит Марами, — на сегодня программа меняется.

Ночь. Небо усеяно мерцающими звездами. Сад, полный цветов. Под деревьями в гибких алюминиевых креслах — те же четверо. Перед каждым: фрукты, лакомства, питье. В досках и ножках столиков, в спинке и алюминиевых трубках кресел, вдоль деревьев — повсюду разлит мягкий молочный свет, не утомляющий зрение и делающий все кругом отчетливым, как на картинке.

На коленях Марами — старинная гавайская гитара, на которой он играет, как виртуоз, и поет под собственное сопровождение. Это — песня о «Голубой Звезде», туманной звезде — любви, постоянной спутнице Солнца — жизни. Песня кончается глубоким, долго звенящим аккордом. Председатель встает.

— Ну, друзья, мой день кончился. Я доволен вами. Проводи меня, Лирия.

Они выходят вдвоем. Гладкая страда, освещенная далеко убегающим молочным сиянием. Председатель садится в кабинку вертолета. Лирия стоит внизу, поднимая к нему свое милое смущенное лицо. Заглянув ей в глаза, Председатель пробует повторить мелодию, которую пел Марами. У него не выходит.

— Не так? — спрашивает он.

— Нет, не похоже, — улыбаясь, говорит Лирия. Председатель шутливо вздыхает.

— Куда уж мне до молодежи, — говорит он, кладя руки на рычаги машины.

Вертолет зашумел винтами и поднялся на воздух. Лирия глядит ему вслед, улыбаясь и закинув руки за голову.

— Как хорошо, как интересно жить! — говорит она.

Кратов стоит в середине большой комнаты, опутанной паутиной электропроводов, уставленной какими-то непонятными приборами. Возле него суетится молодой белобрысый парень, держащий гибкую металлическую конструкцию, нечто вроде нагрудника.

— Понимаешь, сумасшедшая быстрота, — говорит он, надевая на Кратова нагрудник. — Все твои движения ускоряются в пять раз. Но если долго в нем работать, устаешь до смерти и сердце очень болит.

— Ладно, ладно, — говорит Кратов. — Покажи, как его запустить.

Белобрысый парень нажимает маленький рычажок на нагруднике, и мгновенно мир меняется в глазах Кратова. Белобрысый юноша застывает в напряженной позе и медленно-медленно выпрямляется. Плавно покачивается обрывок провода на стене, словно привязанный на ниточке. Вода из стакана льется медленно, как густая замазка.

Ласточка, медленно двигая крылышками, влывает в открытое окно. Кратов легким прыжком догоняет ее и буквально вынимает ее из воздуха. Погладив головку еще не успевшей испугаться птички, Кратов опять выпускает ее. Вдруг лицо его искажается от боли. Он поворачивает рычажок. Мир опять стал обычным. Кратов держится за сердце:

— Знаешь, трудно с непривычки, — говорит он.

— Да, да, тут еще надо доработать, — говорит белобрысый.

— Ну, я успею до отлета.

ЧАСТЬ III. ОТКРЫТИЕ ПЛАНЕТЫ

НДП

Настал день отлета.

Атомостат, освобожденный от лесов и пристроек, покоится на совершенно гладкой площадке. Вокруг него почти неподвижно стоят небольшие группы людей. Никакой суеты, никакой излишней нервности. Присутствуют только строители и члены Совета.

Участники полета переходят «из рук в руки». Что-то туманное мелькает посреди толпы, затем останавливается. Белобрысый парень снимает с себя нагрудник ускорителя и передает его Кратову.

— Ну, теперь — в порядке. — Понимаешь, быстрота сумасшедшая.

Немного в стороне Марами слушает Председателя Совета Мировой Коммуны, записывая его слова в свою книжку-сумку. Теперь оба они чрезвычайно серьезны.

— Так помни: больше года не задерживаться, — говорит Председатель. — Возвращайтесь благополучно и все четверо.

Внезапно увидев Кратова и белобрысого парня, Марами кричит в рупор:

— Не брать лишнего груза.

— Больше нормы не возьму, — отвечает Кратов и взвешивает нагрудник на руке. Белобрысый тихонько отходит и скрывается в толпе.

— На посадку, — кричит Марами и становится у подножия атомостата. Кратов, а за ним Лирия взлетают на подъемной платформе к входному отверстию на вершине атомостата и исчезают в глубине корабля. Тогда к платформе подходит Герт. Он закутан в теплый шарф. Идет, опираясь на трость, сильно горбясь и прихрамывая. Он как-то сразу постарел, осунулся. Подойдя к платформе, он останавливается и оглядывается вокруг.

— Ну, что же ты, Герт, — спрашивает Марами.

— Погоди, — говорит Герт, и в голосе его непривычные умоляющие ноты. — Дай мне наглядеться на Землю.

Со страшной жалкой тоской глядит он на земное небо, на облака, на далекие горы, покрытые лесом. Потом переводит взгляд на людей, на Марами. Лицо его сразу темнеет, он ступает на платформу и исчезает в атомостате. Вслед за ним поднимается Марами. Платформа прячется внутри корабля, отверстие задривается изнутри. Атомостат превращен в идеальный сплошной шар, весь покрытый сеткой шестиугольников. Секунда полной неподвижности. И вот словно от дыхания вихря из-под корабля разлетаются облака пыли, вот полетели мелкие камешки и песок. Трава легла, как под ветром. Люди, стоящие широким кольцом, пригнулись, зажмурившись от вихря. Атомостат дрогнул и плавно приподнялся над землей. Сперва он всплыл, подобно мыльному пузырю, затем начал набирать вертикальную скорость, стал быстро уменьшаться и через несколько

секунд растаял в воздухе.

В центральной рубке Марами выключает рубильник. Он оборачивается через плечо к Лирии, стоящей близко за его спиной.

НДП

Теперь урановые атомы будут работать сами. Они распадаются слой за слоем и каждую секунду ускоряют наш полет на 10 метров.

— Значит, мы не потеряем тяжести, — задумчиво говорит Лирия и нежно кладет руку на густые черные волосы Марами.

— Мы ничего не потеряем, — смеется Марами, — а приобретем нашу голубую звезду любви.

Он встает и под внимательным взглядом Лирии записывает в корабельный журнал показания приборов.

— Лирия, — кричит Кратов сверху из кают-компания. — Погляди на свои звезды.

Лирия медленно поднимается по лестнице, может быть слишком медленно для такого страстного астронома, как она. В кают-компания на размещенных кругом по стенам, на потолке и посреди пола экранах телевизоров, заменяющих окна, она видит густо-черное небо, усеянное мириадами колючих сверкающих звезд. Солнце сияет между ними, как стальной, добела раскаленный диск, ничуть не затемняя звездного света. А внизу под ногами движется полускрытый атмосферой и облаками туманный глобус. Земля уже успела повернуться к востоку, и к зрителю повернута Западная Европа, Африка и Атлантический океан, занавешенный тучами.

НДП

Через 50 часов атомостат приблизился к Венере.

Мы видим атомный корабль в поперечном разрезе. Все путешественники заняты напряженной работой, подготавливаясь к спуску. У шара-управления Марами постепенно включает то одну, то другую шестиугольную ячейку, неотрывно глядя на стрелки индикаторов.

— Герт, давай третий, — спокойно говорит Марами.

У аккумуляторов, внимательно следя за мерцающими цифрами указателей энергии, стоит Герт. Услышав команду, он аккуратно включает энергию аккумулятора.

В кают-компания Лирия и Кратов непрерывно ведут испытания действия космических лучей. Время от времени они глядят на экран телевизора у их ног. Там, застывая почти все поле зрения, расстилается матово-белый шар.

— Ничего не видно, — с сожалением говорит Лирия, — совершенно бело.

Марами включает несколько ячеек сразу.

— Давай четвертый, — говорит он сквозь зубы.

Герт торопливо поворачивается к аккумулятору № 4. Лирия встает и обводит взглядом боковые экраны. Теперь края туманного шара вышли уже за пределы нижнего телевизора и на всех экранах волнуется беловатая мгла, сквозь которую еще некоторое время виднеется солнце, а затем и оно расплывается тусклым пятном.

— Давай икс-камеру сюда, — говорит Лирия.

В это время Марами подготавливает какой-то трудный маневр.

— Включай все сразу, — сосредоточенно говорит он Герту.

Герт пожимает плечами.

— Нельзя все сразу, — говорит он наставительно. — Нужно последовательно.

— Я говорю, все сразу, — Марами впервые повышает голос.

Герт машет рукой:

— Он говорит! — бормочет Герт возмущенно. — Я 50 лет работаю с электричеством.

В кают-компания Лирия изумленно отшатывается: белая пелена на экранах пришла в сильное волнение, кажется, что атомостат попал в огромный котел, из которого стремительно вырывается кверху пар.

— Да что же ты, Герт! — кричит Марами. — Мы падаем!

— Сейчас, сейчас! — пугается Герт и растерянно хватается то за один, то за другой рубильник.

Лирия вскрикивает и хватается Кратова за руку: внизу сквозь прорывы туч она видит быстро приближающуюся водную поверхность, изборожденную гребешками волн.

Марами в ужасе вскакивает. Стрелка амперметра метнулась к нулю.

— Мы падаем, — говорит он сквозь зубы и еще раз пытается включить нижние рубильники.

Теплое море. Катятся мелкие волны. На поверхности и в глубине грузно движется чудовищная жизнь. Плавают страшные крупные рыбы, покрытые роговым панцирем, трехглазые, с костистыми плавниками. Вот высунулась из воды колоссальная щучья морда ихтиозавра. Он раскрывает пасть, в которой в несколько рядов торчат зубы. Глаза его устремлены в одну точку где-то вдали над поверхностью моря. Вот закипела, забурлила воронкой вода. С силой взрыва вырвалась на поверхность гибкая 10-ти метровая колонна лебединой шеи, увенчанной рыбьей зубастой головой с маленькими злобными глазами. Затем вода расступилась и словно осела под тяжестью колоссального круглого туловища, заключенного в створки, как черепаха, и снабженного 2-мя парами лап и сильным хвостом. Крутя головой и извивая шею, плезиозавр уставился в ту же сторону. Мы следуем за взглядом чудовища и видим: над морем одно мгновение висит огромный шар атомостата, затем он камнем падает вниз и, подняв высокий столб воды, погружается в волны. Мы следим за его погружением. Сперва оно стремительно, затем замедляется, сейчас должен настать момент, когда пустой шар начнет всплывать и пробкой выскочит на поверхность, но в эту секунду его оцепляют непроходимые джунгли водорослей, и он застревает в них, покачиваясь, как поплавок.

Разъяренный плезиозавр стремительно кидается к месту, куда погрузился атомостат. Он быстро находит шар. Зубастой пастью, лапами, изгибами шеи он наносит шару бешеные удары, которые почти вырывают атомостат из цепких лап

водорослей, но не он один заинтересовался дерзким пришельцем. Вот со дна поднимается чудовищной величины осьминог, заставляющий отступить даже плезиозавра. Покачиваясь, осьминог глядит немигающими глазами на атомостат, и в эту секунду на поверхности образуется круглое черное отверстие, из которого появляются две фигуры в водолазных скафандрах, но только без воздушной трубы. Люди кажутся ничтожными личинками по сравнению с осьминогом, который, увидев живые существа, протягивает к ним одно щупальце. Зрителю ясно, что люди погибли так же легко, как погибает таракан, схваченный рукой человека. Но в эту секунду в руках одного из водолазов вспыхивает горелка. Ослепительный луч перечеркивает щупальце, и оно словно перерезанное бритвой, отделяется от туловища и, извиваясь, идет ко дну. Осьминог протягивает два другие щупальца, которые постигает та же участь. Тогда чудовище выпускает целое озеро черной мути и, подняв страшное волнение, уплывает в сторону. Когда муть рассеивается, мы видим водолазов, которые, стоя в отверстии атомостата, пережигают лучом своих горелок толстые, колючие ветви водорослей, свертывающиеся и всплывающие на поверхность. Вот освобожденный атомостат покачнулся и поплыл кверху.

Каюта Герта. Быстро вращается вентилятор холодильника. Около своих колючих шаров, глядя в угол, нахмурившись, сидит Герт. Лирия стоит около него, сжимая руки и с болезненной жалостью вглядываясь в его лицо.

— Почему ты не послушал Марами? — спрашивает Лирия.

— Он требовал невозможного, — сердито бурчит Герт. — Если бы я включил аккумуляторы сразу, сторел бы двигатель.

— Но ведь Марами знает! — восклицает Лирия.

— Что он знает, — сердится Герт, — я 50 лет работаю с электричеством. А, конечно, когда он начал кричать, я растерялся...

— Слушай, Герт, — холодно говорит Лирия, — ты, очевидно, не понимаешь, Марами — командир.

— Только не для меня. У меня свои задачи.

Герт угрюмо отворачивается. Лирия смотрит на него, словно не узнавая. Губы ее дрожат от обиды.

С веселым шумом распаивается шлюзовая колонна, грузно пританцовывая в своем тяжелом подолазном костюме, с которого струями сбегает вода, выскакивает Кратов, за ним быстро входит Марами. Они разоблачаются легко и весело: водолазный шлем снимается автоматически. Еще не сняв скафандра, Кратов преподносит Лирии букет морских цветов, сорванный им во время вылазки. Марами вопросительно кивает Лирии на дверь каюты Герта.

— Ну, как?

Лирия пожимает плечами и отворачивается.

Атомостат тяжело покачивается на поверхности воды, высываясь из нее, примерно, на одну четверть. На верхней точке его открытая платформа, на которой стоят одетые для далекого путешествия Кратов, Лирия и Марами. Они собирают из отдельных частей летучую амфибию. Затем весело усаживаются в нее и машут остающемуся в атомостате Герту. С веселой песней уплывает амфибия прочь от атомостата. Но веселая песня не мешает молодым людям быть непрерывно настороже. Лирия управляет лодкой. Марами и Кратов зорко глядят по сторонам, сжимая в руках свои электрические ружья. Вот прямо по курсу амфибии вода забурлила, заволновалась... и, не дожидаясь появления нового страшилища, Лирия взвывает амфибию в воздух. Далеко внизу за их спиной, как перевернутое блюдечко, качается на волнах вершина атомостата. А впереди уже вырисовывается круто повисший над водой берег неведомого материка, полного новых неожиданностей.

(Продолжение следует)